
Андрей Юрченко
Лейтер

Андрей Юрченко

Лейтер

«Автор»
2026

Юрченко А.

Лейтер / А. Юрченко — «Автор», 2026

Август получает дар исполнять желания — и использует его, чтобы отомстить шестерым убийцам отца. Но каждая сделка меняет и самого Лейтера. Окно в прошлое, наколка-змея, сделки с бандитами — и цена, которую платишь, когда сам становишься архитектором чужих судеб.

© Юрченко А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Юрченко
Лейтер

Лейтер
Оглавление
Глава 1. Окно
Глава 2. Наколка
Глава 3. Сделка с Сергеем
Глава 4. Первый
Глава 5. Жила
Глава 6. Сделка с Константином
Глава 7. Второй
Глава 8. Мадам
Глава 9. Учитель
Глава 10. Сходка
Глава 11. Желания
Глава 12. Третий, четвёртый, пятый
Глава 13. Главарь

Глава 1. Окно

Август сидел у себя в комнате, грустно уставившись в окно, за которым пробегал мир — мимо, мимо него, равнодушный и чужой. За стеклом сновали прохожие, громыхали по булыжной мостовой экипажи, где-то лаяла собака, и всё это казалось ему далёким, почти нереальным, словно происходило на другой планете. Комната, в которой он обитал уже год, была невелика и скудна на вещи: голые стены, выкрашенные в тот тусклый казённый цвет, какой обыкновенно выбирают люди, не задумываясь о цвете; большой мягкий диван с зелёной обивкой, такое же кресло, стол, заваленный старыми газетами; этажерка с книгами, которых он никогда не читал. В углу тикали большие часы — единственный звук, нарушавший тишину, — и их мерное, бесстрастное постукивание казалось ему голосом самого времени, отсчитывающего дни его невольного заточения.

Он совершил уже около двенадцати сделок, и половина из них не была засчитана. Он даже почти радовался этому, так как думал, что добрые дела от сделок перекрывают те его сделки, где страдают люди. Хотя какие люди? В основном подлецы и мерзавцы. Он не очень любил людей, но всегда старался быть справедливым. Сидел и думал про очередную сделку. Прошёл год, а он особенно не сдвинулся с места. Он мечтал о том, что когда его контракт закончится, он вернётся к Марте и детям — и вот тогда-то он будет счастлив. В его памяти всплывало лицо Марты — нежное, чуть усталое, с той мягкой улыбкой, какая бывает у женщин, привыкших ждать мужа с работы, — и лица его детей, которые где-то далеко, в другом мире, в другой жизни, там, куда ему не было доступа.

Он сидел и думал о своём детстве и отрочестве, как вдруг неожиданно его посетила мысль совместить приятное и полезное. Он решил, что раз у него была возможность вернуться в прошлое с помощью человека в котелке (прошлого хозяина сделок), то он сможет вернуться в прошлое и найти убийц отца и отомстить им. Сложность заключалась в том, что он не знал, как они выглядят. Он подошёл к окну, в котором наблюдал весь мир, и подумал: хорошо бы, если бы он смог заглянуть в прошлое. И как только он подумал об этом, в окне сразу показалось что-то знакомое. Он присмотрелся — это был он маленький, на ковре с игрушками, отец ужинал за столом, а мать смотрела в окно. За окном того далёкого дома тоже шёл снег — первый снег той зимы, — и он ложился на подоконник белыми хлопьями, и мать, задумавшись, смотрела на

него, и в её глазах было что-то тревожное, предчувствие, которого она сама не могла объяснить. Потом объятия, потом топот, выстрел. Он всё это видел. Он увидел нападавших, но не видел их лиц. Глядя в окно, он подумал, что было бы неплохо увидеть, что было дальше, — и он увидел. Он увидел их выбегающими из дома после убийства, увидел, как они разматывают шарфы, закрывающие их лица. Он увидел лицо каждого из них. Их было шестеро.

Главный из них был молод, лет восемнадцати или двадцати, со вздёрнутым носом и горящими живыми глазами, и во всей его уверенной фигуре, в том, как сидело на нём дорогое пальто и как небрежно он стягивал перчатку, чувствовалась та врождённая властность, какая обыкновенно отличает людей, привыкших распоряжаться и не знающих колебаний. В его лице не было и тени раскаяния — напротив, в нём светилась насмешливая, холодная сила, и было видно, что этот человек шёл к своей цели с той спокойной решимостью, перед которой отступают прочие. Он был из обедневших дворян, из тех, кто с детства помнит запах чужого достатка и потому всю жизнь злится на весь мир за то, что не может, как прочие аристократы, жить и радоваться в роскоши.

Рядом с ним шагал человек высокий и худой, с длинной шеей и острыми скулами, сутулившийся так, словно сама природа предназначила его глядеть на мир свысока; на вид он был немного старше главаря. Шарф он сорвал небрежным, резким движением, и на левой руке его, выглянувшей из-под рукава, виднелась наколка — змея, обвивающая нож. Он молчал и держался позади главного, как тень, что следует за своим господином, и во всём его облике было что-то от человека, давно привыкшего повиноваться и находить в этом своё сомнительное удобство. Это был Сергей — воспитанный улицей с четырнадцати лет, воспитанный на тумаках, холоде и ненависти, не знавший ничего, что нельзя было бы купить или продать за деньги.

Третьим был коренастый, широкоплечий молодой человек с короткой стрижкой и густой щетиной, по всей видимости их ровесник; лицо его, обветренное и грубое, носило на себе отпечаток той тяжёлой, тупой силы, которая не знает ни сомнений, ни жалости и которая в жизни устраивается обыкновенно всего проще — кулаком да револьвером. Через уголок рта его был виден старый шрам; он двигался вразвалку, тяжело, а оружие, из которого он только что убил человека, не спешил убрать, словно оно было продолжением его руки и всей его нехитрой философии.

За ним шёл человек среднего роста и на вид так же, как и его товарищи, молод, жилистый, с бегающими глазами и нервными пальцами, которые беспрестанно теребили край шарфа, настукивая на нём что-то музыкальное. Он один оглянулся на дом, и в бледном лице его, в испуганном, затравленном взгляде было что-то жалкое, словно он попал сюда против своей воли и сам страшился того, что совершилось, — из тех слабых душ, что тянутся за сильными, а после расплачиваются за чужую волю своим жалким покоем.

Пятым, тяжело дыша и отставая, брёл мужчина лет тридцати или тридцати пяти, грузный человек с уже седеющими висками и тяжёлыми мешками под глазами; шарф он снимал медленно, будто это стоило ему труда, потёртое пальто и старые сапоги выдавали в нём человека, давно знающего нужду, и во всей его фигуре чувствовалась та угрюмая усталость, какая накапливается годами нужды и унижений и оставляет на человеке неизгладимый след, — такие люди идут на всё, потому что им уже нечего терять, и в то же время не верят ни во что.

Последним, поодаль от прочих, шёл совсем ещё мальчишка, лет десяти или двенадцати, худой, с длинными волосами, выбивавшимися из-под кепки: он стягивал шарф торопливо, словно боясь, что его увидят, глаза его были опущены, и в неуверенных движениях его сквозила та робость и смятение, которые говорят о душе, ещё не успевшей очерстветь, но уже втянутой в чуждое ей дело, — и было что-то глубоко печальное в том, как этот мальчик, ещё не живший, уже шёл по дороге, с которой нельзя свернуть.

Они шли по первому снегу. Снег ложился на их плечи, на воротники пальто, на шарфы, которые они только что сняли, и в этом белом, чистом, только что выпавшем снеге было что-то странно противоречащее тому, что только что произошло в доме статского советника. Только что они убили не просто чиновника, а мужа, отца, сына. Да, он давно охотился на их террористическую ячейку. Но они победили. Они шли, радуясь, переговариваясь и весело смеясь, а труп Карла Христофоровича лежал в центре его спальни — на ковре, среди опрокинутой мебели и разбитой лампы, и свет из окна падал на его лицо, спокойное и строгое, каким оно бывало при жизни, когда он читал бумаги или о чём-то задумывался.

Август пустил одинокую скупую слезу и отметил для себя: «Теперь я их всех знаю в лицо».

Это была террористическая ячейка, убившая отца Августа. Один из многочисленных летучих отрядов Исполнительного комитета «Народной воли». Впрочем, он больше походил на банду, нежели на отряд, так как его члены не гнушались не только идейными погромами, но и рядовыми грабежами и убийствами.

Главного звали Игорь Львович.

Август ещё немного посидел в кресле, думал, как всё это провернуть, и ему пришла гениальная мысль.

А что если он сможет вернуться в прошлое и не допустить смерти отца, а вдруг получится? — подумал он.

Потом он остановил себя, вспомнив все случаи по спасению Марты и что он этим сделал только хуже.

Нет, всё-таки надо их найти здесь и сейчас или чуть раньше, но после смерти отца, — подумал Август, чтоб не осложнить и не ухудшить случайно всё вокруг.

Глава 2. Наколка

Август отстранился от окна, сел в кресло и начал судорожно прорабатывать разные варианты событий, как ему это провернуть. Его месть... Он стремился пойти по стопам отца, чтобы отомстить его убийцам, но судьба распорядилась по-своему — но дала ему другую возможность это сделать. Он не знал, живы ли они ещё и как и где они существуют.

«Начнём, пожалуй, с наколки», — сам себе озвучил Август. Судя по ней, у высокого судя по наколке на руке , точно была цель.

Август шагнул из двери и тут же оказался в неком ресторанчике с кабаре. Звучала громкая музыка, на сцене танцевали милые барышни, высоко поднимая юбки и выбрасывая ноги аж до самой своей головы. Повсюду были столики: все пили, ели и шумно обсуждали свои дела. Воздух был густым от табачного дыма, смешанного с запахом дешёвых духов и перегара; кто-то громко хохотал, и казалось, что весь этот пёстрый, шумный мир живёт по своим собственным, давно заведённым законам. Как и во всяком кабаке, где пьют и веселятся люди, не желающие думать о завтрашнем дне.

Август без труда нашёл длинного, который изрядно постарел и изменился внешне за прошедшие годы; он сидел с некой мамзелью у себя на коленях, весело смеясь и лапая её. Он подсел к нему за столик, вежливо улыбнулся и произнёс:

— Здравствуйте. Разрешите задать вам вопрос?

Длинный сидел довольно пьяный и от этого особенно не вдавался в подробности.

— Валяй, — произнёс он. — Только быстро: не видишь, я занят.

— Я не отниму у вас много времени, — сказал Август. — Просто хотел поинтересоваться вашей наколкой на руке. Что она обозначает?

Длинный как-то сразу помрачнел, скинул мамзель с колена и, облокотившись на стол, уставился на Августа.

— С какой целью интересуешься? — прорычал он. Взгляд его секунду был холодным и злым.

— Извините меня за прямоту: я художник-коллекционер и такого рисунка ещё не видел. Что он означает? — спросил Ѧвгуст.

Длинный посмотрел на свою руку с татуировкой змеи, обвивающей кинжал, и сказал:

— Она означает месть. Как отомщу — на правую набью нож с розой.

Громко изменившись в лице, он расхохотался.

— Ясно, — вежливо сказал Ѧвгуст.

— Если хотите, я могу вам помочь, — проговорил он.

— Как? — услышал он в ответ от длинного.

— Помочь отомстить, — сказал Ѧвгуст.

— Шёл бы ты отсюда по добру по здорову, а то ненароком зубов лишишься, — сказал длинный, обращаясь к Ѧвгусту.

Ѧвгуст подчинился, потому что длинный очень громко разговаривал и этим напрягал Ѧвгуста и притягивал лишнее внимание к столику. Ѧвгуст решил подождать его снаружи.

Спустя пару часов длинный вышел из ресторанчика в обнимку с мамзелькой, которая сидела у него на коленях в кабаре. Он был сильно пьян — настолько, что его штормило из стороны в сторону, как осенний листок, которого обычно носит ветер. Ночь была холодной и сырой, над мостовой стлался жидкий туман, и фонари горели тускло, словно сквозь мокрую марлю. Где-то вдалеке прогромыхал извозчик, и звук его колёс по булыжнику долго ещё стоял в сыром, неподвижном воздухе, не желая затихать. Пахло мокрым камнем, керосином и той особенной сыростью, какая бывает в больших городах поздней осенью, когда кажется, что весь мир пропитан водой и никогда уже не высохнет.

Ѧвгуст Карлович подошёл к нему сзади и громко, но вежливо окрикнул:

— Милостивый государь, мы с вами не договорили.

Длинный обернулся, глядя в его сторону стеклянными глазами, и, рыча с бутылкой в одной руке, грозно направился в его сторону, что-то бормоча себе под нос. Подойдя ближе, он обратился к Ѧвгусту:

— Слышишь ты... Ты чего привязался? Ты с охранки, что ли?

— Нет, — как-то гордо и невозмутимо сказал Ѧвгуст. — Позвольте, я вам покажу.

— Чего ты мне покажешь? — промолвил длинный и, не успев очнуться, оказался рядом с Ѧвгустом где-то в далёкой юности этого длинного.

Это была школа. Длинный, лет двенадцати, лежал на лавке, а учитель порол его розгами. Воротник молодой длинный обхватил зубами так, чтобы не издать ни звука. В воздухе стоял запах пыли, чернил и старого дерева, а за окном моросил мелкий, нудный дождь. Класс был пуст — только они двое, — и в этой пустоте каждый удар розги отдавался гулко и страшно, словно били не мальчика, а самую стену, сам воздух, само это казённое помещение с портретом государя в углу и чёрной доской, на которой ещё виднелись следы мела. Учитель — высокий, сухой, костлявый человек в сюртуке, с бледным, бескровным лицом и плотно сжатыми губами — бил методично, размеренно, словно исполнял тяжёлую, но необходимую работу, и в его глазах не было ни гнева, ни злобы, а только какая-то тупая, упрямая настойчивость что-то доказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.